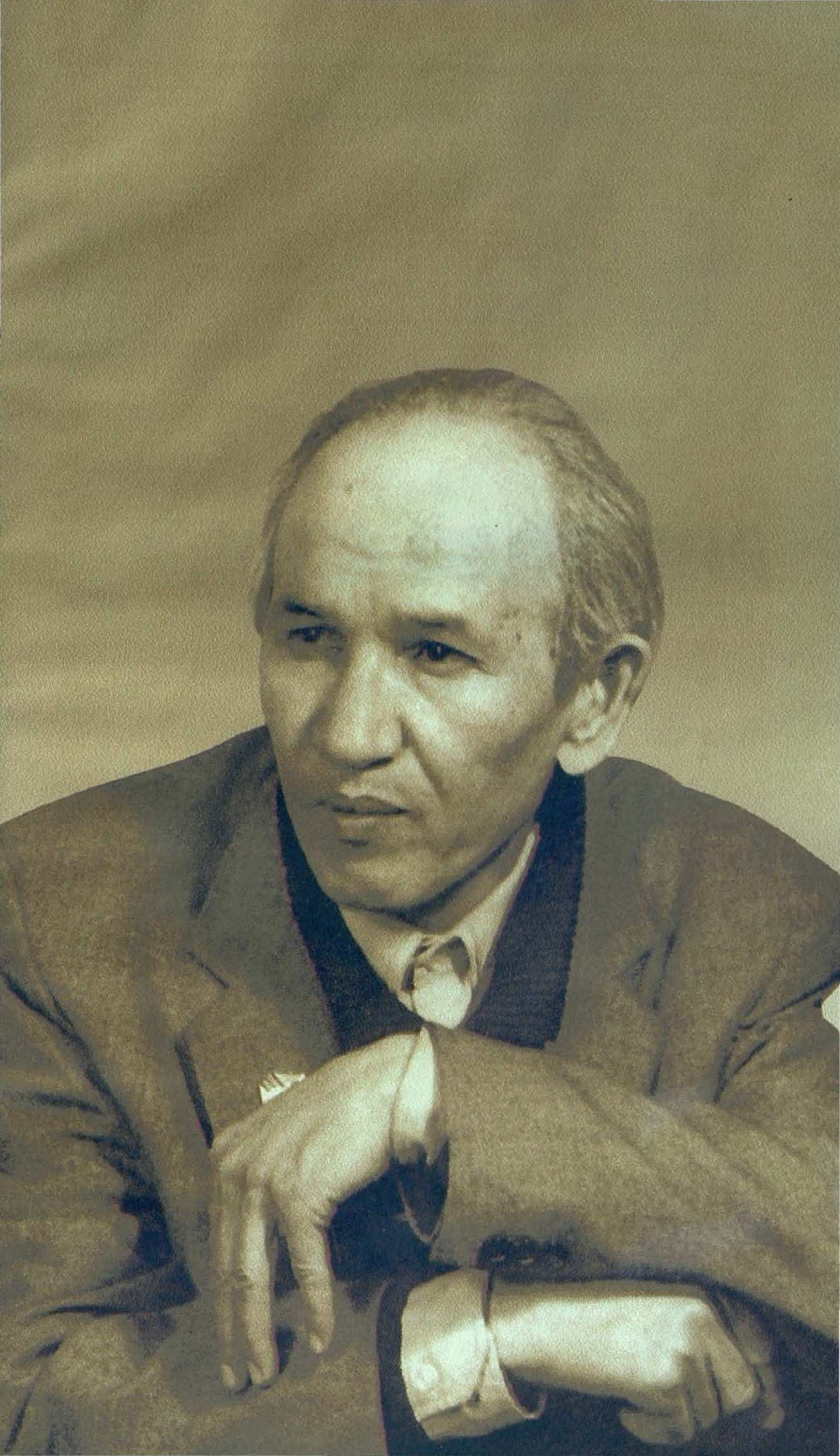

Л 2006
503 к

Макан ЖУБАНЫШУЛЫ

Средь бела дня

Макан ЖУБАНЫШУЛЫ

Средь бела дня

Роман

“Елорда”
Астана – 2005

ББК 84 Р7-44

Ж 80

Жубанышулы М.

Ж 80 Среди бела дня. *Роман.*

Астана. Елорда, 2005. — 192 с.

ISBN 9965-06-237-4

Макан Жубанышулы (Джумагулов) — автор романов “Орлы гибнут в вышине”, “К Днепру!”, повестей, рассказов.

В новом романе пишущего на русском языке казахского писателя отражены период коллективизации, расстрела повстанцев и беженцев с самолета в 1930 году, массового бегства казахов в Китай, голода 1932-1933 годов, очевидцем чего был автор в восьми-девятилетнем возрасте.

Книга написана на основе подлинных фактов, рассказов свидетелей и архивных материалов.

Ж $\frac{4702010201-352}{450(05)-05}$

ББК 84 Р7-44

ISBN 9965-06-237-4

© Жубанышулы М., 2005

© “Елорда”, 2005

*Через сотни лет...
Неожиданно,
Средь бела дня
Приобретенной
Независимости
Казахстана
Посвящаю.*

АВТОР

Часть первая

1

— Который нынче год? — у трех восьми-девятилетних учеников спросил мугалим Жумабек. В ответ — молчание. Только на той неделе рассказывал он о годах — уже забыли. “Что за безпамятные дети?”, — подсадовал мугалим, поправляя пяток таволговых лозинок четвертому — семилетнему Султану.

— Одна тысяча девятьсот тридцать второй, — прозвенел тонкий голосок мальчика.

— А по названию?

— Год обезьяны.

— А будущий?

— Тридцать третий. Год курицы.

“Неплохая у него память, — подумал учитель, — наверное, из него выйдет толковый джигит...”. Не первый раз удивлял его Султан: задаст, бывало, отрывок в три-четыре строчки из корана, на другой день шпингалет повторит их без запинки, когда другие мальчишки молчат или путаются, как куропатки в силке...

Как не похвалить такого ученика!.. Хвалил, ставил в пример другим да перехвалил: явно зазнался пострел — стал баловаться на уроках, вертеться, шептать на ухо соседу, мешать вести занятия. Наконец, на перемене подрался с одноклассником, — нечаянно задев рукой, разбил ему нос. От брызнувшей крови парнишки перепугались. Много дней терпел мугалим его шалости, но тут его терпение лопнуло: вызвал к доске, когда ученики расселись после перерыва и улеглась тишина. Содрал с него портки, два раза огрел лозинкой по мягкому месту. Султан завизжал. Он думал, мугалим Жумабек — его родной дядя, брат отца, никогда не даст ему розог. А тут...

Назавтра в школу не пошел — таволговая лозинка ожгла — сидеть больно. Да и февральские метели на дворе. Ветер какой! Воет, будто стая волков окружила дом...

Крепко обиделся мальчик на родного дядю и пока думал — пойти или нет в школу, заболел. “Сглазили!” — решила мать.

Горьким-прегорьким зельем, отдающим полынью, лечил его мулла Булат — второй дядя Султана. Два месяца пролежал малыш в бреду да горячке, а когда стал поправляться, не мог вспомнить прежнюю свою жизнь. Только и осталось в памяти, как его бил лозинкой дядя мугалим. И... еще — прошлое лето...

Дехкане аула Бургансу молотят пшеницу на току возле их дома. Акимбек — семнадцатилетний сын дяди Булата — рассказывает былины в стихах. Он сидит на краю тока в окружении детей аула, пришедших его послушать. Размахивает иной раз руками, изображая, как Кобланды-батыр отсек мечем голову врага, как пикой насквозь пронзил кольчугу... Глаза его горят. Стихи текут складно, безостановочно, детей волнуют битвы... Акимбек-ага вдруг кричит, плечи его подпрыгивают, брови сдвинуты, лицо злое, будто сам он только что побывал в сражении и еще не остыл... Порой малышам становится страшно. Они теснее жмутся друг к другу.

Ночь. Звезды стали большими, словно опустились ниже и тоже слушают не дыша... Силуэты высоких гор на фоне звездного неба придвинулись ближе... Прохладно. Дети кутаются в шубейки, прихваченные из дому.

Удивительная память у Акимбека-ага: всю огромную былину “Кобланды-батыр” наизусть знает. “Алпамыс-батыр” — тоже наизусть. Только былинку “Ер-Таргын” — наполовину в стихах, наполовину без стихов рассказывает. А какие батыры были! Ничего не боялись. Били в поединках вражьи батыров, гнали кзылбасов¹ и калмыков с родной земли.

Заснули один за другим малыши. Лишь один Султан не спал.

— Ну, все уснули? — спрашивал Акимбек.

— Нет, — говорил Султан, — я слушаю, ага.

Это нравилось Акимбеку. В Султানে он видел себя — в его возрасте тоже был таким — любил слушать рассказы Жумабека.

¹ *Кзылбасы* — красноголовые. Так называли персидских захватчиков. Они носили красные шапки.

Слушал Султан, смотрел, как кони с завязанными глазами кружат на току, волоча за собой на арканах большой круглый длинный камень, что молотит колосья пшеницы, как Крыкпай-ага, старший сын дяди Булата, стоя посреди тока, погоняет на поводу коней, покрикивая, посвистывая, хлеща их длинным кнутом.

Глубоко за полночь Акимбек обрывал рассказ, говоря: “На сегодня хватит”, будил детей, чтоб шли спать. Султан по дороге думал: “Если Кобланды, как сказано в былине, в свои пять лет переборол в ауле всех ребят, был метким стрелком из лука, то каким он был в три года от роду?.. Может, ростом больше меня? Наверно, так растут богатыри...”

...Нынче весной к ним домой пришел Акимбек-ага с какой-то книжкой в руке. Попил чаю, ушел. Книжку оставил, может, забыл. Султан раскрыл книгу. В ней — рисунки овец, коров, лошадей, верблюдов. Заинтересовали его рисунки. Слабыми руками еще не совсем поправившийся Султан, на листке бумаги огрызком карандаша стал от скуки срисовывать фигурки животных. Овечка вышла почти похожая, хотя длинноватая... А конь никак не получался. Трижды перерисовывал — не то. Обозлился и... Увлёкся рисованием.

В начале лета, когда Султан почти выздоровел и уже который раз срисовывал лошадь и корову, из людской донесся голос дяди Жумабека:

— Большая просьба у меня к тебе, женеше¹, у вас — четверо сыновей, кроме дочерей... Дай бог им здоровья!.. Меня господь обидел: две дочери и ни одного сына... Ты знаешь обычай нашего народа: когда у одного из братьев больше трех сыновей, то одного из них отдает тому, у кого ни одного сына нет... Так?..

— Гм-м...

— Отдайте мне Султана... Я переведу его на свое имя. Воспитывать буду лучше, чем родного...

— “Ишь, чего захотел, — возмутился Султан, — побил... еще в сыновья просит... Ни за что не пойду!..”

— Мы же вам отдали Шапен, дочку нашу. Кого же вам еще надо?.. — голос Кекиль, матери Султана.

— Шапен — девушка. Выйдет замуж — уйдет далеко. Мы с женой скоро состаримся. Дома мужские руки нужны...

¹ Женеше — невестка, жена старшего брата.

— У вас еще своя дочка есть — Сагиля.

— Подрастет — тоже уйдет... Я ведь не чужой. Родной брат твоего мужа. Не уйду ж я никуда. Дома наши — рядом.

— Серьезное дело это, — говорит мать, — я не решаю.

— Ну как же... Ты же мать. Если ты согласна — куда он, муж твой, денется?..

— Нет, нет, я одна не решаю. Поговори, деверь мой, с Этим... (Кекиль по обычаю назвала своего мужа не по имени Уйсунбек, а “Этот”), — если он отдаст, — что я поделаю. Покорюсь судьбе... Все решает Этот. Хотя я больше всех своих детей... Султана люблю...

Дядя ушел. Через некоторое время:

— Апа! — закричал Султан, — я все слышал. Не пойду к ним. Зимой он бил меня... Опозорил перед всем классом...

Кекиль зашла в спальню, обняла Султана, прижала к груди:

— Не бойся, жеребенок мой, не отдам! Да ведь и школа у него старая. Справа налево пишут. Говорят, скоро новую школу у нас откроют. Пойдешь в нее. Слева направо станете писать. Слова корана не на нашем языке — непонятные, прости меня, господи, в новой школе, сказывают, слова будут на казахском языке. Все будет понятно.

Успокоился Султан. А мугалим Жумабек взял-таки справку в сельсовете — перевел Султана на свое имя.

— ... Но жизнь все решила по-своему...

* * *

Поправился Султан в мае месяце. Вышел рано утром на улицу, вдохнул свежего воздуха — голова закружилась. Постоял, держась за перила крыльца, пошел помаленьку по двору. На востоке, из-за хребта Сумэна поднималось багровое солнце, словно приветствуя: “С выздоровлением, малыш!..” Шептались, шушукались под ветерком, кивали макушками тополя в роще: “Смотри, смотри, Султан вышел из дома!.. Как давно его не было видно...” Хмыкнула, подскочила, пошла обнюхивать собака Актес, норовя лизнуть в лицо, приласкать, только не зная, как... Завертелась вокруг, чертя хвостом кольца... Налетел ветер, теплый, майский, обнял Султана, обласкал, зацеловал в лицо, в глаза, потрепал

ему вихор, помчался дальше, полой тафтяного халата сметая соринки со двора... В нос ударил духмяный запах цветка куке-марал, мяты, горькой полыни.

Долечивал Султана быстрее всякого зелья чистый родной горный воздух. И в несколько дней мальчик окреп, стал играть со своим младшим братом Жуманом в асыки (овечьи бабки). Наигрались, пошли к ручью, лопочущему по-горному возле дома, легли на животы, напились прозрачной животельной холодной воды. Султан взглянул на крону небольшой ивы, задумчиво покачивающейся у ручья. Увидел висячий на ней давно высохший белый череп коня, обрадовался: “Висит”. Говорят, лет пятьдесят назад отец повесил на сучок этот череп в память о своем первом коне чалой масти, что вывел его в люди. Листья ивы бережно ласкали череп...

Мимо дома шел караван тяжело груженных зерном муравьев... Порхали разномастные бабочки, оживленно ворковали сизые, голубые, белые, любимые Султаном голуби на крыше, носились, щебеча-хохоча, стаями воробьи из рощи в бурьян, из бурьяна в рощу. Соловей тянул руладу за руладой, и каждый раз новую. Сердце Султана наполнялось дыханием вечной земной жизни...

...Но недолго длилось дыхание радости...

Нежданно-негаданно заболела мать. Проболела всего полмесяца и... умерла. Султан не знал, чем сам болел, тем более не мог понять, чем заболела и от чего умерла мама. Он даже не представлял себе, что значит “умерла”. В логу, на бугорке-кладбище, рядом с могилой Шерубай-батыра, Султан лазил между столпившимися вокруг вырытой глубокой ямы людьми, заглядывал в яму — ничего в ней не было. Потом люди стали опускать в яму что-то, завернутое в белое... Кто-то тихо сказал: “Прощай, Кекиль, дорогая!” Женщины заплакали. И только тогда Султан понял — маму опустили... Он бросился вперед, крича: “Что вы делаете?.. Это же моя мама! Ей там будет холодно...” Но его крепко держали за руки. А мать затолкали сбоку ямы в какую-то темную дыру-нишу. Заколотили вход в нее камнями. Султан заплакал, закричал: “Звери-люди! Маму закопали!” — и побежал куда глаза глядят. Поймали его, отвели домой. Успокоила его старшая сестра Шакан.

— Не плачь. Апа твоя заболела. Она там полежит, выздоровеет. Ее откопают, она вернется.

— Когда вернется?

— Скоро. Как только выздоровеет. Это старинный способ лечения.

Султан любил эту свою сестру больше всех своих братьев и сестер, верил ее каждому слову. И тут поверил: “Может, и вернется...”

“Какая она была гостеприимная”, — говорили женщины, — “А как она пела!.. Какой у нее был тонкий сильный голос, как у свирели!..”

...Отшумели поминки. Народу собралось со всего аула, с дальних джайляу. Кто пешком, кто верхом, знакомые, родственники — из племен и родов Сары-канлы, Кара-канлы, Кзыл-борик, Таз, Шобал. Много дней оплакивали, причитали, ревели в пять глоток старшие сестры Султана Шакан, Шалтай, Шапен, жены дядя Булата, дяди Жумабека. Как только кто-нибудь явится с соболезнованием, так голосят...

Постепенно рев стал затухать, гости — все реже...

...Однажды отец Султана Уйсунбек исчез. Несколько дней его не было. Дома все почему-то ходили хмурые. Султан почувствовал неладное. Соскучился по седой густой бороде отца, любил ее почесывать пальцами... Спросил у брата Максута:

— Куда делся отец?

— Не знаю, — пожал тот плечами.

У старшего брата Дастана спросил:

— Куда папа пропал?

— Не пропал. В город уехал.

— Зачем?

— По делам.

— ...Не знал Султан, что отца арестовали...

2

Аул Бургансу колхоза “Тау-дихан” — (“Горный дехканин”) — на невысоком холме. Окружен со всех сторон хребтами, сопками повыше него. На юге, справа, высится верблюдьим горбом Суык-тюбе — (Холодная сопка). Летом она покрывается густым ковром сочной травы. Там пасется скот.

За ней — высокие горы в шубах из плотного ельника. В нижней части холма — дома братьев Еркеевых — Уйсунбека, Булата, Жумабека. Выше — в сотне метров — дом их родича Жолымбека. Слева холм круто спускается в щель, где шумит шустрая речка Киикбай. За ней горбится хребет Сумэна. Справа, через лог на косогоре — мазанки людей из рода Куюскансызов. Там живет вдовая сестра Уйсунбека — Аимбала с двумя сыновьями — Кияспеком и Солтанкулом.

Бургансу — повернутая вода. Повернута она в давние времена еще дедами Уйсунбека, берет начало из речки Киикбай далеко за домом Жолымбека, проходит мимо домов трех братьев, бежит в тюмень — вниз, на север.

Самый видный во всем ауле, похожий на дома русских, дом Уйсунбека: деревянный, крытый тесом, из четырех комнат, с двумя боковыми комнатами-кладовками, с верандой, лестницей, с пристройкой-кухней — шошала, с подвалом-складом для продуктов. Перед домом небольшая тополино-ясенева-березовая роща, высаженная Уйсунбеком в его молодые годы.

...В молодости Уйсунбек служил батраком у русского помещика. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, умер его отец Ерке. Родственники Ерке на его поминках из чувства ближнего обещали помогать его вдвое Калиман. Но гордая женщина постеснялась жить за чужой счет. Оставила обветшалый домик, взяла своих четверых детей, переехала верст за шестьдесят в село Байсерке, где у богатого купца устроилась посудомойкой. С помощью детишек отремонтировала заброшенную времянку, побелила, поселилась в ней. Были у нее лошадка и корова с телкой. Через год, отработав свой век, лошадка околела. Корова не давала детям умереть с голоду. Жалования, конечно, ей хватало едва сводить концы с концами. Худо-бедно растила Калиман своих ребятишек.

В шестнадцать лет пошел Уйсунбек батрачить к русскому помещику Никонору Степановичу в урочище Котур-булак. У помещика пахотные, сенокосные угодья, сады, огороды. Батраков только в полеводческой бригаде вместе с Уйсунбеком восемнадцать человек, не считая других работников. Батраки — люди разных возрастов и национальностей: русские, казахи, уйгуры, татары. Первый год всякую работу выполнял Уйсунбек. Сносно овладел русским языком. (Он

его начинал учить еще в Байсерке). Приобрел навыки: пахать сохой, плугом, сеять, выращивать пшеницу, ячмень, овес, заготавливать сено.

Семейные батраки не всегда хорошо работали. Нередко выпивали самогону, учиняли драки, уходили домой. Уйсунбек, понимая, что он — старший среди братьев своих и должен помогать матери, старался изо всех сил. Никонор Степанович уважал его за усердие и трезвость. Когда Уйсунбеку стукнуло семнадцать — (а он вымахал в плечистого сильного джигита), — барин поставил его бригадиром, — (прежний был отстранен за слишком частое пьянство). Весной бригада на пашне, потом на сенокосе, помогают садовникам, осенью на хлебоуборке, на уборке овощей. Зимой строили или ремонтировали коровники, конюшни, даже сруб с тесовой крышей отгрохали для старшего сына хозяина.

Жалование семейным выдавали каждый месяц. Уйсунбек получал в три месяца один раз, покупал себе кое-какую обновку, остальные деньги отвозил в Байсерке — матери. У Уйсунбека не угасала давняя мечта: купить ружье. Еще в Байсерке его частенько брал с собой на охоту сын купца Карим, ровесник Уйсунбека. Карим говорил на русском языке и учил Уйсунбека, заставлял правильно произносить слова. У Карима — английская винтовка “винчестер”. Он бил зайцев, уток, куликов. Хотя птицы сидели далеко, Карим редко промахивался. Дело было, наверное, не в нем, а в ружье. В этом Уйсунбек убеждался, когда Карим иной раз давал и ему пострелять — тоже попадал в цель. Уйсунбек в основном выполнял “роль” охотничьей собаки: шлепая по колену в воде, приносил битую дичь.

...Однажды Никонор Степанович отправил Уйсунбека по делам в Талгар. Там он заглянул мимоходом в лавку Прохора, увидел точно такой же “винчестер”, что у Карима. У него глаза загорелись: “Вот бы иметь такое ружье!” Справился о цене: сто двадцать рублей!.. Где взять столько денег? Трогать жалование? А что же отдавать матери?.. Но... Уйсунбеку повезло...

...На берегу речки Котур-булак, в естественной низине, стояла старая запруда — дамба длиной метров восемь. Она защищала от залива водой начинающиеся рядом огороды и сады. Весной паводком разнесло эту дамбу. Вода пошла “тво-

рить” свое черное дело, разрушая все на пути, образуя рытвины, колдобины, оголяя корни деревьев. Это сильно обеспокоило Никонора Степановича. Он велел Уйсунбеку как можно быстрее восстановить дамбу. Дал сроку двое суток. Если за это время дамба будет возведена, Никонор Степанович обещал: всем, кто будет там работать, выдаст сразу по тридцать рублей сверх жалования, а Уйсунбеку — пятьдесят. Из бригады Уйсунбек отобрал самых крепких восьмерых ребят, остальным дал задание на два дня. Четверо из этой восьмерки возили на тачках большие камни, трое орудовали лопатами, Уйсунбек с одним джигитом вдвоем рубили лозняк, таскали его снопами, укладывали, трое закрепляли лозняк валунами, камнями. Не за двое суток, а за день и ночь, работая без отдыха, построили новую дамбу, понадежнее прежней. Утром Никонор Степанович увидел ее, облегченно вздохнул: “Молодцы, сынки!” — воскликнул он, не в силах сдерживать радости. В тот же день он выдал восьми ребятам не по тридцать, а по пятьдесят рублей, а Уйсунбеку — целых сто!

Еще через день Уйсунбек отпросился, поехал в Талгар, купил свою заветную мечту — “винчестер” с пачкой патронов.

Два года проработал Уйсунбек у Никонора Степановича.

...Однажды под вечер, возвращаясь с пашни, проезжал он на молодом коне чалой масти мимо яблоневого сада, любясь тем, как отцветшие яблони выбросили почки... и случайно заметил: вдалеке, за садами по косовету спускается пролетка хозяина — видно, ездил смотреть пасеку... Вдруг кони, испугавшись чего-то, взметнули головами и резко свернули вниз... вроде — под откос... Уйсунбек понял: беды не миновать. Наддал шенкелей и — галопом. Да, пролетка опрокинулась у речки. Одна лошадь лежит, другая стоит. Рядом на земле стонет Никонор Степанович. Кучера нет. Уйсунбек поднял барину голову.

— Ох! — застонал шипче хозяин, — ой! — открыл глаза, пьяно прохрипел: — рука, левая!.. О-ох!..

Уйсунбек осмотрел руку — вывих в локте. Уперся рукой в грудь барина, держась другой рукой за плечо, чуть повернув, сильно дернул больную руку. Хозяин заорал матом:

— Что ты сделал?! Твою... ох!.. ох!..

Уйсунбек молча отошел на шаг. Барин поохал, постонал, полежал, помаленьку перестал охать, стону все меньше. Почувствовал облегчение.

— Ты вправил мне руку? — спросил он, добрея.

Уйсунбек, не совсем уверенный, что вправил, пожал плечами.

— Ты кто, костоправ?

— Нет, я видел, отец так делал.

— А ты это первый раз?

— Второй раз. Первый, когда брат с коня слетел. Тоже в локте.

Уйсунбек обмотал хозяину руку полотенцем, оказавшимся в пролетке, повесил ремнем за плечо. Опираясь на Уйсунбека, хозяин встал, но захромал на правую ногу.

— Что с ногой? — спросил джигит.

— Не знаю, больно.

Уйсунбек поставил на колеса пролетку, коня — на ноги, усадил барина, спросил:

— А где кучер?

— Домой отпросился.

...Через несколько дней Никонор позвал к себе Уйсунбека. Дома, в присутствии хозяйки, молвил:

— Выходит, ты спас мне жизнь, джигит.

— Да ну, — застеснялся Уйсунбек, — вы же не умирали...

— А мог бы! — мотнул головой барин, — ить там безлюдье. Сады кончаются. На версту кругом — никого. Да ночь валится...

— Вы бы коня выпрягли да на нем...

— Хэ! Как бы я выпряг?.. С вывихом да с больной ногой?.. Словом, я должен отблагодарить тебя, джигит, за это. Проси, чего бы ты хотел за такую услугу.

— Не знаю, — опустил голову джигит, — не стоит... зачем?..

— Стоит. Не скромничай. Проси.

— Мне надо съездить на родину, — выдавил джигит.

— А что там у тебя?

— Дом наш остался... земля...

— Земля? У тебя есть своя земля?

— Земля моего отца... дедов.

— Ага, исконная земля твоих предков?

— Да. Конечно.

— Так это хорошо, милый. Я думал, ты — безземельный. Своя земля!.. Это же то, что надо человеку. Тебе следует хозяйством своим обзаводиться.

— Да. Но...

— Понимаю. Отца у тебя нет. Мать в прислугах, ты говорил, братья — малы, — Никонор Степанович чуть подумал: — вот, что, джигит, дарю тебе чалого, на котором ты едешь. Раз у тебя — земля, — должен ехать — самому стоять на своей земле. Ты уже вырос. Сможешь. Отпускаю тебя совсем. Только дружбу с тобой терять не хочу. Ты — добрый малый.

— Ой, спасибо, Никонор Степанович!

— Ничего. Ты заслужил. Заработал коня. А далека твоя родина?

— Верст сорок отсюда, недалеко от Чилика, в горах. Земли нашего рода Куюскансызов. Дикая места...

— Дикая, говоришь? А дичи много?

— Много. Олени, косули, волки...

— Где же они там водятся?

— в чащобах, ельниках...

— А люди там живут?

— Живут.

— Как же они живут, чем занимаются? Чем кормятся?

— Скот пасут.

— А землю пашут? Хлеб сеют?

— Нет. Никто землю не пашет.

— Почему?

— Неудобно. Кругом холмы, горы, ущелья, обрывы. Хлеб не сеют, огородов не разводят. Скот продают — хлеб, овощи, фрукты покупают.

— Понятно. Ну да ладно, — проговорил Никонор Степанович, и: — а теперь, — он повернулся лицом к хозяйке: — ну-ка, Варя, принеси-ка счет и деньги.

— Хозяйка принесла толстую книгу расчетов, хозяин открыл страницу, нашел фамилию Уйсунбека.

— Я собрался завтра жалование раздать. Так вот, Еркеев, когда ты был работником, получал тридцать рублей в месяц. Кормежка холостым, по договору, была моя. Ты стал бригадиром — пятьдесят пять рублей получаешь. Так? Вот за последние три месяца — сто шестьдесят пять рублей. Не обидел я тебя?

— Нет. Все правильно. Спасибо, Никонор Степанович!

— Ну, тогда с богом! Езжай к себе на родину. Разводи скот как все. Ну, а меня не поминай лихом. До свидания!

— До свидания!

...Побывал Уйсунбек в Байсерке у матери. Сказал — едет в Бургансу — проведать землю. “Надолго ли?” — спросила мать. “Не знаю”, — ответил он. Сто рублей оставил матери. Выехал в Талгар. Накупил патронов.

В Бургансу от их развалюшки остались одни, размытые дождем, прибитые в землю глинобитные стены. Воды в ручье Бургансу убавилось. Вокруг паслись чьи-то табуны лошадей... Поехал в соседний аул к другу своего детства Конурбеку. Тот тоже вырос, пас гурт овец в пятнадцать голов. У него — рыжая крепкая лошадка.

— О-о, каким ты стал богатырем! — воскликнул Конурбек. Поздоровались, увидев ружье Уйсунбека, обрадовался: — вместе на охоту будем ездить?

— Будем! — кивнул Уйсунбек, — только просьба: помоги построить землянку. В долгу не останусь.

— Конечно, помогу. О чем речь... Овец попасет младший брат.

— Чьи овцы?

— Свои.

На другой день вдвоем поехали в горы. Порубили сосен, очистили от сучьев, разбили на бревна. Сели отдохнуть. Просидели, рассказывая друг другу о своей жизни, с полчаса. Вдруг повыше них, на горе, примерно, в ста шагах от них, из-под ели вышла косуля. Стала, оглядываясь по сторонам. Друзья притихли, пригнули головы. Уйсунбек взял ружье, приставленное к сосне. Прицелился и, не вставая с места, выстрелил. Косуля сделала шаг и упала.

— Ох, какое у тебя меткое ружье! — удивился Конурбек.

— Это не дробовик, а винтовка, боевая штука, — пояснил Уйсунбек. Сел на коня, привез тушу косули. — А ведь много их тут...

— Много, — подтвердил Конурбек, — я их изредка капканом беру.

Тушу привязали позади седла на чалом. Поволокли на арканах по паре длинных бревен. За несколько дней навозили их шестнадцать штук. Вооружились лопатами, вырыли

большую четырехугольную яму. Набросали на нее поперек бревен, покрыли сверху можжевельником, бурьяном, землей, притоптали — землянка готова. Из сосновых и еловых длинных сучьев сплели и связали двери. На четыре чурки положили шесть длинных толстых жердей, тоже крепко связали — кочевничья лежанка — кровать. Сверху настлали можжевельника, бурьяна, сена — постель. Конурбек принес форму, по ней отлили большие глиняные кирпичи, высушили их, построили печь. У Конурбека в сарае нашелся кусок старой трубы. Над печкой в крыше проделали дыру, провели в нее трубу — дымоход. Конурбек принес топленого бараньего жиру, сделали жировичок — зажегся, хоть и тусклый, свет. Началась для Уйсунбека жизнь в землянке. С гор навозили прибитых молнией или иссохшихся на солнце, сухого валежника, кустарника — наготовили гору дров на зиму.

Уставали. Для разрядки и роздыха раз в неделю, встав ни свет ни заря, ехали на охоту. Стреляли попеременно из одного ружья, привозили по одной туше косули, редко — по две.

За четыре месяца на двух лошадях заготовили сотню строительных бревен для постройки дома. Уйсунбек повез матери в Байсерке две туши косули. Вернулся в Бургансу. Зимой охотился в основном один. Убил за три месяца пять волков, трех лисиц, одного оленя, не считая косуль и зайцев. Тушу оленя и трех косуль отдал Конурбеку, оставив себе одну оленью ляжку. За это мать Конурбека выделала все пять волчьих, трех лисьих и одну оленью шкуры.

В марте месяце приехал из-за хребта Сумэны бай Касымбай, велел Уйсунбеку убираться отсюда. На этой земле пасутся его табуны.

— Это земля моего отца Ерке, — ответил Уйсунбек.

— Чем докажешь? Где документы на землю? — закричал бай.

Уйсунбек не знал, что ответить. Бай уехал, предупредив: если Уйсунбек не уберется подобру-поздорову, Касымбек пришлет своих джигитов и они все равно его прогонят.

Уйсунбек завернул в оленью шкуру три волчьих и одну лисью, привязал позади седла, приторочил два оленьих рога, сел на чалого, выехал в Котур-булак.

Радостно встретил его Никонор Степанович во дворе своей усадьбы, раскинув руки в широких рукавах, как сокол крылья, крепко обнял, и — хлоп, хлоп по плечам.

— Ну, джигит, вымахал, заматерел! Ну, а как дела?

— Привез вам, Никонор Степанович, маленький подарок...

Уйсунбек снял с седла свой тюк, пока он его развязывал, Степаныч залюбовался рогами:

— Ой, какие рога!.. Варвара Васильевна, погляди!

Стоя на крыльце, хозяйка всплеснула руками:

— Батюшки!.. Красота-то какая!...

Увидели олени, пышные волчьи и лисью шкуры. У барины глаза расширились, развел руки в стороны:

— Ну, брат, ты меня ошарашил! Спасибо! Вот это джигит! Варвара Васильевна, ставь самовар. Уйсунбек поди проголодался с дороги.

— Эй, Ваня! — позвал он кучера, — отнеси шкуры и рога в сарай, развесь. Петя! — пожилого конюха кликнул, — коня джигита — в конюшню. А тебя, Уйсунбек, прошу в дом. Будь кунаком.

Уйсунбек вошел в переднюю. Из кухни несло, вызывая аппетит, запахом жареного, вареного. Разделся, повесил одежду на вешалку у двери, снял сапоги. Горничная принесла тапочки. В гостиной утонул в кресле. Барин крикнул:

— Варюша! Накрывай на стол! Несите водку, баранину, солонину, закуску. Обмоем рога и шкуры!

...Уже не как батрак, а как дорогой гость, Уйсунбек первый раз в жизни спал на мягкой пуховой постели.

...Утром, после завтрака, Никонор Степанович спросил:

— А как земля?

— Заминка вышла с землей, — нахмурил брови Уйсунбек.

— Какая заминка?

— Завладел нашей землей некий бай Касымбай. Живет за две горы от наших угодий.

— Как завладел? Самовольно, что-ли?

— Да, самовольно. Пасет на ней свои табуны.

— Ну, это называется захват чужой земли, насилие, беззаконие!

— Говорит, — продолжал Уйсунбек, — чем докажешь, что это твоя земля, где документы на нее? Я не знал, что ответить.

— Понятно. Ты же не знаешь законов, Уйсунбек, — сказал Никонор Степанович, и, задумавшись, приложив палец к виску: — а ведь в каком-то году, кажись, в восемьсот шестьдесят восьмом, если мне память не изменяет, землемеры ходили, определяли, где чьи земли, — сказав это, Никонор опять поразмыслил о чем-то, и вдруг: — вот что, джигит, поедем-ка сейчас с тобой в Верный, в Земское управление... Там у них должны быть данные.

На новеньком, покрытом лаком, блестящем тарантасе приехали они в город Алматы в Земельное управление. Зашли в какой-то кабинет. За столом сидел пожилой лысый человек в очках. Поднял голову, увидел вошедших, встал из-за стола:

— О-о, кто пожаловал! Никонор Степанович! Здравия желаю!

Никонор Степанович поздоровался с чиновником за руку. Тот попросил гостей сесть на стулья. Поинтересовался:

— А это что за киргизенок?

— Это мой друг Уйсунбек, — сказал Никонор Степанович, — прошу любить и жаловать, Семен Андреич!

— С великим почтением! — кивнул, улыбаясь, Семен Андреич.

— Вот что, дорогой Семен Андреич, — и Никонор Степанович в двух словах объяснил суть дела.

— В каких это краях твоя земля, джигит? — спросил Андреич.

— Вблизи Чилика.

Семен Андреич достал из шкафа толстую книгу, нашел нужную страницу. На ней развернул небольшую карту шириной в два тетрадных листа.

— Как фамилия владельца земли? — спросил он у джигита.

— Коянбеков Ерке.

— Так, земля Коянбекова Ерке, — поискал глазами на карте и да вот она, — пальцы его забегали по карте, — вот земля Аргынбая, а это — Сумэна, а это — мимо речки Кикбай — земля Бургансу — владелец Коянбеков Ерке. Тя-